

Народное творчество (Фольклор)

**Древние российские
стихотворения, собранные
Киршею Даниловым**

**Народное Фольклор творчество
Кирша Данилов
Древние российские
стихотворения, собранные
Киршею Даниловым**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=20617974

Аннотация

Вашему вниманию предлагается сборник древних российских стихотворений собранных Киршей Даниловым.

Сборник Кирши Данилова – первое в истории русской литературы собрание памятников устного народного творчества – былин, исторических песен, скоморошин.

Содержание

Про Саловья Будимеровича	4
Про гостя Терентиша	14
Дюк Степанович	22
Щелкан Дудентьевич	29
Мастрюк Темрюкович	34
Волх Всеславьевич	43
Сергей Хорош	51
Иван гостиной сын	55
Три года Добрынюшка стольничел	61
Про Василья Буслаева	71
О женитьбе князя Владимира	82
Гришка Расстрига	97
На Бузане-острове	100
Конец ознакомительного фрагмента.	104

Древние Российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым

Про Саловья Будимеровича

Высота ли, высота поднебесная,
Глубота, глубота акиян-море,
Широко раздолье по всей земли,
Глубоки омоты днепровския.
Из-за моря, моря синева,
Из глухоморья зеленова,
От славного города Лёденца,
От того-де царя ведь заморсаго
Выбегали-выгрбали тридцать кораблей,

¹⁰ Тридцать кораблей един корабль
Славнова гостя богатова,
Молода Соловья сына Будимёровича.
Хорошо карабли изукрашены,
Один корабль полутче всех.
У того было сокола у карабля
Вместо очей было вставлено
По дорогу каменю по яхонту;
Вместо бровей было прибивано

По черному соболю якутскому,
20 И якутскому ведь сибирскому;
Вместо уса было воткнуто
Два острия ножи́ка булатныя;
Вместо ушей было воткнуто
Два во́стра ко́пья мурза́мецкия,
И два горносталя повешены,
И два горнасталя, два зимняя.
У тово́ было сокола у ка́рабля
Вместо гривы прибывано
Две лисицы бурнастыя;
30 Вместо хвоста повешено
На том было соколе-ко́рабле
Два медведя белыя заморския.
Нос, корма – по-туриному,
Бока взведены по-звериному.
Бегут ко городу Киеву,
К ласкову князю Владими́ру.
На том соколе-ко́рабле
Сделан муравлен чердак,
В чердаке была беседа дорог рыбе́й зуб,
40 Подернута беседа рытым бархотом.
На беседе-то сидел купав молодец,
Молодой Соловей сын Будимерович.
Говорил Соловей таково слово́:
«Гой еси вы, гости-карабелы́щики
И все целовальники любимыя!
Как буду я в городе Киеве

У ласкова князя Владимера,
Чем мне-ка будет || князя дарить,
Чем света жаловати?».

50 Отвечают гости-карабельщики
И все целовальники любимыя:
«Ты славной, богатой гость,
Молодой Соловей сын Будимерович!
Есть, сударь, у вас золота казна,
Сорок сороков черных соболей,
Вторая сорок бурнастых лисиц;
Есть, сударь, дорога камка,
Что не дорога камочка – узор хитер:
Хитрости были Царя-града

60 А и мудрости Иерусалима,
Замыслы Соловья Будимеровича;
На злате, на серебре – не погнется».
Прибежали корабли под славной Киев-град,
Якори метали в Непр-реку,
Сходни бросали на крут бережек,
Товарную пошлину в таможене платили
Со всех кораблей семь тысячей,
Со всех кораблей, со всего живота.
Брал Соловей свою золоту казну,

70 Сорок сороков черных соболей,
Второе сорок бурнастых лисиц,
Пошел он ко ласкову князю Владимеру.
Идет во гридю во светлую,
Как бы на пету двери отворялися,

Идет во GRIDню купав молодец,
Молодой Соловей сын Будимерович,
Спасову образу молится,
Владимеру-князю кланеется,
Княгине Апраксевной на особицу

80 И подносит князю свое дороги подарочки:

Сорок сороков черных соболей,
Второе сорок бурнастых лисиц;
Княгине поднес камку белохрущету
Не дорога камочка – узор хитер:
Хитрости Царя-града,
Мудрости Иерусалима,
Замыслы Соловья сына Будимеровича;
На злате и серебре – не погнется.
Князю дары полюбилися,

90 А княгине наипаче того.

Говорил ласковой Владимир-князь:
«Гой еси ты, богатой гость,
Соловей сын Будимерович!
Займуй дворы княженецкия,
Займуй ты боярския,
Займуй дворы и дворянския».
Отве(ча)е(т) Соловей сын Будимерович:
«Не надо мне двор(ы) княженецкия,
И не надо дворы боярския,

100 И не надо дворы дворянския,
Только ты дай мне загон земли,
Непаханья и неаранья,

У своей, асударь, княженецкой племяннице,
У молоды Запавы Путятичной,
В ее, осударь, зеленóm саду,
[В] вишенье, в орешенье
Построить || мне, Соловью, снаряжен двор».
Говорил сударь, ласковой Владимир-князь:
«На то тебе с княгинею подумаю».

¹¹⁰ А подумавши, отдавал Соловью
Загон земли, непаханья и неаранья.
Походил Соловей на свой червлен карабль,
Говорил Соловей сын Будимерович:
«Гой еси вы, мои люди работныя!
Берите вы тапорики булатныя,
Подите к Запаве в зеленой сад,
Постройте мне снаряжен двор
[В] вишенье, в орешенье».

С вечера поздым-поздо,

¹²⁰ Будто дятлы в дерево пощолкивали,
Работали ево дружина хорáбряя.
Ко полуноче и двор поспел:
Три терема златовéрховаты,
Да трои сени косящетыя,
Да трои сени решетчетыя.
Хорошо в теремах изукрашено:
На небе солнце – в тереме солнце,
На небе месяц – в тереме месяц,
На небе звезды – в тереме звезды,

¹³⁰ На небе заря – в тереме заря

И вся красота поднебесная.
Рано зазвонили к заутрени,
Ото сна-та Запава пробужалася,
Посмотрела сама в окошечко косящетое,
[В] вишенья, в орешенья,
Во свой ведь хорошей во зеленой сад.
Чудо Запаве показалось
В ее хорошем зеленóm саду,
Что стоят три терема златовёрховаты.

140 Говорила Запава Путятишна:
«Гой еси, нянюшки и мамушки,
Красныя санныя девушки!
Подьте-тка, посмотрите-тка,
Что мне за чудо показалось
[В] вишенье, в орешенье».
Отвечают нянюшки-мамушки
И санныя красныя деушки:
«Матушка Запава Путятишна,
Изволь-ко сама посмотреть —

150 Счас(т)ье твое на двор к тебе пришло!».
Скоро-де Запава нарежается,
Надевала шубу соболиную,
Цена-та шуби три тысячи,
А пугови в семь ты[ся]чей.
Пошла она [в] вишенье, в орешенье,
Во свой во хорош во зеленой сад.
У первова терема послушела —
Тут в тер[е]му щелчит-молчит:
Лежит Соловьева золота казна;

160 Во втором терему послушела —
Тут в терему потихоньку говорят,
Помаленьку говорят, все молитву творят:
Молится Соловьева матушка
Со вдовы честны многоразумными.
У третьева терема послушела —
Тут в терему музыка гремит.
Входила Запава в сени косящетые,
Отворила двери на́ пяту, —
Больно Запава испугалася,

170 Резвы ноги подломилися.
Чудо в тереме показалось:
На небе солнце – в тереме солнце,
На небе месяц – в тереме месяц,
На небе звезды – в тереме звезды.
На небе заря – в тереме заря
И вся красота поднебесная.
Подломились ее ноженьки резвья,
Втапоры Соловей он догадлив был:
Бросил свои звончеты гусли,

180 Подхватывал девицу за белы ручки,
Клал на кровать слоновых костей
Да на те ли перины пуховыя.
«Чево-де ты, Запава, испугалася,
Мы-де оба на возрасте».
«А и я-де, девица, на выдонье,
Пришла-де сама за тебя свататься».
Тут оне и помолвили,

Целовались оне, миловались,
Золотыми перстнями поменялися.

190 Проведала ево, Соловьева, матушка
Честна вдова Амелфа Тимофеевна,
Свадьбу кончати посрочила:
«Съезди-де за моря синия,
И когда-де там расторгнешься,
Тогда и на Запаве женишься».
Отъезжал Соловей за моря синея.
Втапору поехал и голой шап Давыд Попов,
Скоро за морями исторгуется,
А скорé тово назад в Киев прибежал;

200 Приходил ко ласкову князю с подарками:
Принес сукно смурое
Да крашенину печатную.
Втапору князь стал спрашивати:
«Гой еси ты, голой шап Давыд Попов!
Где ты слыхал, где видывал
Про гостя богатова,
Про молода Соловья сына Будимеровича?».
Отвечал ему голой шап:
«Я-де об нем слышел

210 Да и сам подлинно видел —
В городе Леденце у тово царя заморскаго
Соловей у царя в пратомбжье попал,
И за то посажен в тюрьму,
А карабли ево отобраны
На его ж царское величество».

Тут ласковой Владимир-князь закручинился, скоро
вздумал

о свадьбе, что отдать Запаву за голова шапа Давыда
Попова.

Тысецкой – ласковой Владимир-князь,

Свашела княгиня Апраксевна,

²²⁰ В поездú – князи и бояра,

Поезжали ко церкви божиин.

Втапоры в Киев флот пришел

Богатова гостя, молода Соловья сына Будимеровича ко
городу ко Киеву.

Якори метали во быстрой Днепр,

Сходни бросали на крут красен бережек.

Выходил Соловей со дружиною

Из сокола-карабля, || с каликами,

Во белом платье сорок калик со каликою.

Походили оне ко честной вдове Амелфе Тимофевне,

²³⁰ Правят челобитье от сына ея, гостя богатова,

От молода Соловья Будимеровича,

Что прибыл флот в девяносте караблях

И стоит на быстром Непре,

Под городом Киевым.

А оттуда пошли ко ласкову князю Владимиру на
княженецкой двор

И стали во единой круг.

Втапоры следовал со свадьбою Владимир-князь в дом
свой.

И пошли во гридни светлыя,

Садилися за столы белодубовыя,

240 За ества сахарныя,
И позвали на свадьбу сорок калик со каликою,
Тогда ласковой Владимир-князь
Велел подносить вина им заморския и меда сладкия
Тотчас по поступкам Соловья опазновали,
Приводили ево ко княженецкому столу.
Сперва говорила Запава Путятишна:
«Гой еси, мой сударь дядюшка,
Ласковой сударь Владимир-князь!
Тот-то мой прежней обрученной жених,

250 Молоды Соловей сын Будимерович.
Прямо, сударь, скачу – обесчестю столы».
Говорил ей ласковой Владимир-князь:
«А ты гой еси, Запава Путятишна!
А ты прямо не скачи, не бесчести столы!».
Выпускали ее из-за дубовых столов,
Пришла она к Соловью, поздаровалась,
Взела ево за рученьку белую
И пошла за столы белодубовы,
И сели оне за ества сахарныя,

260 На большо место.
Говорила Запава таково слово
Голому шапу Давыду Попову:
«Здрастуй женимши, да не с ким спать!».
Втапоры ласковой Владимир-князь весел стал,
А княгиня наипаче того,
Поднимали пирушку великую.

Про гостя Терентиша

В стольном Нове-городе,
Было в улице во Юрьевской,
В слободе было Терентьевской,
А и жил-был богатой гость,
А по имени Терентишша.
У него двор на целой версте,
А кругом двора железной тын,
На тынинки по маковке,
А и есть по земчуженке;
10 Ворота были вальящетыя,
Вереи хрустальные,
Подворотина рыбей зуб.
Среди двора гридня стоит,
Покрыта седых бобров,
Потолок черных соболей,
А и матица-га валженная,
Была печка муравленая,
Середа была кирпичная,
А на сѣреди кроватка стоит,
20 Да кровать слоновых костей,
На кровати перина лежит,
На перине зголовье лежит,
На зголовье молодая жена
Авдотья Ивановна.

Она с вечера трудна-больна,
Со полуночи недужна вся:
Расходился недуг в голове,
Разыгрался утин в хребте,
Пустился недуг к сер(д)цу,

30 А пониже ея пупечка
Да повыше коленечка,
Межу ног, килди-милди.
Говорила молодая жена
Авдотья Ивановна:
«А и гой еси, богатой гость,
И по имени Терентишша,
Возьми мои золотые ключи,
Отмыкай окован сундук,
Вынимай денег сто рублей,

40 Ты поди дохтуров добывай,
Волхи-та спрашивати».
А втапоры Терентишша
Он жены своей слушелся,
И жену-та во любви держал.
Он взял золоты ее ключи,
Отмыкал окован сундук,
Вынимал денег сто рублей
И пошел дохтуров добывать.
Он будет, Терентишша,

50 У честна креста Здвиженья,
У жива моста калинова,
Встречу Терентишшу веселыя скоморохи.

Скоморохи – люди вежлевые,
Скоморохи очес(т)ливые
Об ручку Терентью челом:
«Ты здравствую, богатой гость,
И по имени Терентишша!
Доселева те слыхом не слыхать,
И доселева видом не видать,

60 А и ноне ты, Терентишша,
[А] и бродишь по чисту́ полю,
Что корова заблудящая,
Что ворона залетящая».
А и на то-то он не сердится,
Говорит им Терентишша:
«Ай вы гой, скоморохи-молодцы!
Что не сам я, Терентей, зашел,
И не конь-та богатова завез,
Завела нужда-бедность.....

70 У мене есть молодая жена
Авдотья Ивановна,
Она с вечера трудна-больна,
Со полуночи недужна вся:
Расходился недуг в голове,
Разыгрался утин в хребте,
Пустился недуг к сер(д)цу,
Пониже ее пупечка,
Что повыше коленечка,
Межу ног, килди-милди.

80 А кто бы-де недугам пособил.

Кто недуги бы прочь отгонил
От моей молодой жены,
От Авдотьи Ивановны,
Тому дам денег сто рублей
Без единыя денежки».
Веселыя молодцы догадалися,
Друг на друга оглянулися,
А сами усмехнулися:
«Ай ты гой еси, Терентишша,

⁹⁰ Ты нам что за труды заплатишь?».

«Вот вам даю сто рублей!».

Повели ево, Терентишша,

По славному Нову-городу,

Завели его, Терентишша,

Во тот во темной ряд,

А купили шелковой мех,

Дали два гроша мешок;

Пошли оне во червленной ряд,

Да купили червленой вяз,

¹⁰⁰ А и дубину ременчетую —

Половина свинцу налита,

Дали за нее десеть алтын.

Посадили Терентишша

Во тот шелковой мех,

Мехоноша за плеча взял.

Пошли оне, скоморохи,

Ко Терентьеву ко двору.

Молода жена опасливая

В окошечко || выглянула:

110 «Ай вы гой еси, веселыя молодцы,
Вы к чему на двор идете,
Что хозяина в доме нет?».
Говорят веселыя молодцы:
«А и гой еси, молодая жена,
Авдотья Ивановна,
А и мы тебе челобитье несем
От гостя богатова,
И по имени Терентишша!».
И она спохватилася за то:

120 «Ай вы гой еси, веселыя молодцы,
Где ево видели,
А где про ево слышали?».
Отвечают веселыя молодцы:
«Мы ево слышели,
Сами доподлинна видели
У честна креста Здвиженья,
У жива моста калинова,
Голова по собе ево лежит,
И вороны в жопу клюют».

130 Говорила молодая жена
Авдотья Ивановна:
«Веселыя скоморохи!
Вы подите во светлую гридню,
Садитесь на лавочки,
Поиграйте во гусельцы
И пропойте-ка песенку
Про гостя богатова,

Про старово..... сына,
И по имени Терентишша,

140 Во дому бы ево век не видать!».

Веселья скоморохи
Садилися на лавочки,
Заиграли во гусельцы,
Запели оне песенку.
«Слушай, шелковой мех
Мехоноша за плечами,
А слушай, Терентей-гость,
Что про тебя говорят,
Говорит молодая жена

150 Авдотья Ивановна

Про стара мужа Терентишша,
Про старова..... сына:
Во дому бы тебе век не видать!
Шевелись, шелковой мех
Мехоноша за плечами,
Вставай-ка, Терентишша,
Лечить молодую жену!
Бери червленой вяз,
Ты дубину ременчетую,

160 Походи-ка, Терентишша,

По своей светлой гридни
И по сѣреди кирпичетой
Ка занавесу белому,
Ко кровати слоновых костей,
Ко перине ко пуховья,

А лечи-ка ты, Терентишша,
А лечи-ка ты молоду жену
Авдотью Ивановну!».

Вставал же Терентишша,
¹⁷⁰ Ухватил червленой вяз,
А дубину ременчетую —
Половина свинцу налита,
Походил он, Терентишша,
По своей светлой гридне
За занавесу белую,
Ко кровати слоновых костей.
Он стал молоду жену лечить,
Авдотью Ивановну:

Шлык с головы у нея сшиб,
¹⁸⁰ Посмотрит Терентишша
На кровать слоновых костей,
На перину на пуховую, -
А недуг-ат пошевеливаются
Под одеялом соболиным.
Он-та, || Терентишша,
Недуга-та вон погнал
Что дубиною ременчетою,
А недуг-ат непутем в окошко скочил,
Чуть головы не сломил,

¹⁹⁰ На корачках ползает,
Едва от окна отполоз.
Он оставил, недужишша,
Кафтан хрушетой камки,

Камзол баберековой,
А и денег пять сот рублей.
Втапоры Терентишша
Дал еще веселым
Другое сто рублей
За правду великую.

Дюк Степанович

Из-за моря, моря синева,
Из славна Волынца, красна Галичья,
Из тое Корелы богатыя,
Как есён сокёл вон вылетывал,
Как бы белой кречет вон выпархивал, -
Выезжал удача доброй молодец,
Молоды Дюк сын Степанович.
По прозванью Дюк был боярской сын.
А и конь под ним как бы лютой зверь,

¹⁰ Лютой зверь конь, и бур, космат,
У коня грива на леву сторону до сырой земли,
Он сам на коне как есён сокёл,
Крепки доспехи на могучих плечах.
Немного с Дюком живота пошло:
Что куяк и панцырь чиста серебра,
А кольчуга на нем красна золота;
А куяку и панцырю
Цена лежит три тысячи,
А кольчугу на нем красна золота

²⁰ Цена сорок тысячей,
А и конь под ним в пять тысячей.
Почему коню цена пять тысячей?
За реку он броду не спрашивает,
Котора река цела верста пятисотная,

Он скачет с берегу на берег —
Потому цена коню пять тысячей.
Еще с Дюком немного живота пошло:
Пошел тугой лук разрывчетой,
А цена тому луку три тысячи;

30 Потому цена луку три тысячи —
Полосы были серебряны,
А рога красна золота,
А и титивочка была шелкóвая,
А белова шолку шимаханскова.
И колчан || пошел с ним каленных стрел,
А во колчане было за триста стрел,
Всякая стрела по десяти рублей,
А и еще есть во колчане три стрелы,
А и тем стрелам цены нет,

40 Цены не было и не сведомо.
Потому трем стрелкам цены не было, -
Колоты оне были из трость-древа,
Строганы те стрелки во Нове-городе,
Клеяны оне клеем осетра-рыбы,
Перены оне перьяцам сизá орла,
А сиза орла, орла орловича,
А тово орла, птицы камския, -
Не тыя-та Камы, коя в Волгу пала,
А тоя-ты Камы за синем морем,

50 Своим ус(т)ьем впала в сине море.
А летал орел над синем морем,
А ронил он перьяца во сине море,

А бежали гости-карабельщики,
Собирали перья на синём морé,
Вывозили перья на светую Русь,
Продавали душам красным девицам,
Покупала Дюкова матушка
Перо во сто рублей, во тысячу.
Почему те стрелки дороги?

60 Потому оне дороги,
Что в ушах поставлено по тирону по каменю.
По дорогу самоцветному;
А и еще у тех стрелак
Подле ушей перевивано
Аравицким золотом.
Ездит Дюк подле синя моря
И стреляет гусей, белых лебедей,
Перелетных серых малых утачак.
Он днем стреляет,

70 В ночи те стрелки собирает:
Как днем-та стрéлачак не видити,
А в ночи те стрелки, что свечи, горят,
Свечи теплются воску ярова;
Потому оне, стрелки, дороги.
Настрелял он, Дюк, гусей, белых лебедей,
Перелетных серых малых утачак,
Поехал ко городу Киеву,
Ко ласкову князю Владимиру.
Он будет в городе Киеве,

80 Что у ласкова князя Владимира,

Среди двора княженецкого,
А скочил он со добра коня,
Привезал коня к дубову столбу,
К кольцу булатному,
Походил во GRIDню во светлую
Ко великому князю Владимиру;
Он молился Спасу со Пречистою,
Поклонился князю со кнегинею,
На все четыре стороны.

⁹⁰ Тут сидят князи-ббьяра,
Скочили все на резвы ногй,
А глядят на молодца, дивуются.
И Владимир-князь стольной киевской
Приказал наливать чару зелена вина
В полтора ведра.
Подавали Дюку Степанову,
Принимает он, не чванится,
А принял чару единбй рукой,
А выпил чару единым духом;

¹⁰⁰ И Владимир-князь стольной киевской
Посадил ево за единой стол хлеба кушати.
А и повары были догадливые:
Носили ества сахарныя,
И носили питья медвяныя,
И клали калачики крупичеты
Перед тово Дюка Степанова.
А сидит Дюк за единым столом
Со темя князи и ббьяры,
Откушал калачики крупичеты,

110 Он верхню корачку отламыват,
А нижню корачку прочь откладыват.
А во Киеве был ща(п)лив добре
Как бы молоды Чурила сын Пленкович,
Оговорил он Дюка Степанова:
«Что ты, Дюк, чем чванишься:
Верхню корачку отламывашь,
А нижню прочь откладываешь?».
Говорил Дюк Степанович:
«Ой ты, ой еси, Владимир-князь!

120 В том ты на меня не прогневайся:
Печки у тебя биты глиненны,
А подики кирпичные,
А помелечко мочальное
В лохань обмакивают,
А у меня, Дюка Степанова,
А у моей сударыни матушки
Печки были муравлены,
А подики медные,
Помелечко шелкóвое

130 В сыту медяную абмакивают;
Калачик съешь – больше хочится!».
Втапоры князю Владимиру
Захотелось к Дюку ехать,
Зовет с собой || князей-бояр,
И взял Чурила Пленковича.
И приехали оне на пашню к нему,
Ко тем крестьянским дворам.

И тут у Дюка стряпчей был,
Припас про князя Владимира почестной стол,
140 И садился ласковой Владимир-князь
Со своими князи-ббьяры
За те столы белодубовы;
И втепоры повары были догадливы:
Носили ества сахарныя
И питья медяныя.
И будет день в половина дни,
И будет стол во полустоле,
Владимер-князь полсыта наедается,
Полпыена напивается,
150 Говорил он тут Дюку Степанову:
«Коково про тебя сказывали,
Таков ты и есть».
Покушавши, ласковой Владимир-князь
Велел дом ево переписывать,
И был в том дому сутки четвера.
А и дом ево крестьянской переписывали —
Бумаги не стало,
То отгеля Дюк Степанович
Повел князя Владимира
160 Со всемя гостьми и со всемя людьми
Ко своей сударыни-матушки,
Честны вдавы многоразумныя.
И будут оне в высоких теремах,
И ужасается Владимир-князь,
Что в теремах хорошо изукрашено.

И втапоры честна вдова, Дюкова матушка,
Обед чинила про князя Владимира
И про всех гостей, про всех людей.
И сажился Владимир-князь

¹⁷⁰ За столы убранья, за ества сахарныя
Со всемя гостьми, со всемя людьми;
Втапоры повары были догадливы:
Носили ества сахарныя, питья медяныя.
И будет день в половина дни,
Будет стол во полустоле,
Говорил он, ласковой Владимир-князь:
«Исполать тебе, честна вдова многоразумная,
Со своим сыном Дюком Степановым!
Уподчивала меня со всемя гостьми, со всемя людьми;

¹⁸⁰ Хотел боло ваш и этот дом описывать,
Да отложил все печали на радости».
И втапоры честна вдова многоразумная
Дарила князя Владимира
Своими честными подарками:
Сорок сороков черных соболей,
Второе сорок бурнастых лисиц,
Еще сверх того камни самоцветными.
То старина, то и деянье:
Синему морю на утешенье,

¹⁹⁰ Быстрым рекам слава дб моря,
А добрым людям на послушанье,
Веселым молодцам на потешенье.

Щелкан Дудентьевич

А и деялося в орде,
Переделялось в Большой:
На стуле золоте,
На рытом бархоте,
На чер(в)чатой камке
Сидит тут царь Азвяк,
Азвяк Таврулович;
Суды рассуживает
И ряды разряживает,
10 Костылем размахивает
По бритым тем усам,
По тотарским тем головам,
По синим плешам.
Шурьев царь дарил,
Азвяк Таврулович,
Городами стольными:
Василья на Плесу,
Гордея к Вологде,
Ахрамея к Костроме,
20 Одново не пожаловал —
Любимова шурина
Щелкана Дюдентевича.
За что не пожаловал?
И за то он не пожаловал, -

Ево дома не случилось.
Уезжал-та млад Щелкан
В дальнюю землю Литовскую,
За моря синея;
Брал он, млад Щелкан,

- 30 Дани-невыходы,
Царски невыплаты.
С князей брал по сту рублей,
С бояр по пятидесят,
С крестьян по пяти рублей;
У которова денег нет,
У тово дитя возьмет;
У которова дитя нет,
У того жену возьмет;
У котораго жены-та нет,
40 Тово самово головой возьмет.

Вывез млад Щелкан
Дани-выходы,
Царския невыплаты;
Вывел млад Щелкан
Коня во сто рублей,
Седло во тысячу.
Узде цены ей нет:
Не тем узда дорога,
Что вся узда золота,

- 50 Она тем, узда, дорога —
Царская жалованье,
Государево величество,

А нельзя, дескать, тое узды
Не продать, не променять
И друга дарить,
Щелкана Дюдентевича.
Проговорит млад Щелкан,
Млад Дюдентевич:
«Гой еси, царь Азвяк,

60 Азвяк Таврулович!
Пожаловал ты молодцов,
Любимых || шуринов,
Двух удалых Борисовичев,
Василья на Плесу,
Гордея к Вологде,
Ахрамея к Костроме,
Пожалуй ты, царь Азвяк,
Пожалуй ты меня
Тверью старою,

70 Тверью богатою,
Двомя братцами родимыми,
Дву удалыми Борисовичи».
Проговорит царь Азвяк,
Азвяк Таврулович:
«Гой еси, шурин мой
Щелкан Дюдентевич,
Заколи-тка ты сына своего,
Сына любимова,
Крови ты чашу нацади,

80 Выпей ты крови тоя,

Крови горячия,
И тогда я тебе пожалую
Тверью старую,
Тверью богатою,
Двомя братцами родимыми,
Дву удалыми Борисовичи!».
Втапоры млад Щелкан
Сына своего заколол,
Чашу крови нацадил,

⁹⁰ Крови горячия,
Выпил чашу тоя крови горячия.
А втапоры царь Азвяк
За то ево пожаловал
Тверью старую,
Тверью богатою,
Двомя братцы родимыми,
Два удалыми Борисовичи,
И втепоры млад Щелкан
Он судьею насел

¹⁰⁰ В Тверь-ту старую,
В Тверь-ту богатую.
А немного он судьею сидел:
И вдовы-та бесчестити,
Красны девицы позорити,
Надо всеми наругатися,
Над домами насмехатися.
Мужики-та старья,
Мужики-та богатья,
Мужики посадския

110 Оне жалобу приносили
Двум братцам родимьем,
Двум удалым Борисовичем.
От народа они с поклонами пошли,
С честными подарками,
И понесли оне честныя подарки
Злата-серебра и скатнова земчуга.
Изошли ево в доме у себя,
Щелкана Дюдентевича, -
Подарки принял от них,

120 Чести не воздал им.
Втапоры млад Щелкан
Зачванелся он, загорденелся,
И оне с ним раздорили,
Один ухватил за волосы,
А другой за ноги,
И тут ево разорвали.
Тут смерть ему случилася,
Ни на ком не сыскалося.

Мастрюк Темрюкович

В годы прежняя,
Времена первоначальныя,
При бывшем вольном царе,
При Иване Васильевиче,
Когда холост был государь,
Царь Иван Васильевич,
Поизволил он жениться.
Берет он, царь-государь,
Не у себя в каменной Москве,

¹⁰ А берет он, царь-государь,
В той Золотой орде,
У тово Темрюка-царя,
У Темрюка Степановича,
Он Марью Темрюковну,
Сестру Мастрюкову,
Купаву крымскую
Царицу благоверную.
А и царскова поезду
Полторы было тысячи:

²⁰ Князи-бояра, могучие богатыри,
Пять сот донских казаков,
Что н(и) лутчих добрых молодцов.
Здравствует царь-государь
Через реки быстрыя,

Через грязи смоленския,
Через леса брынския,
Он здравствует, царь-государь,
В той Золотой орде,
У тово Темрюка-царя,
30 У Темрюка Степановича.
Он по́нел, царь-государь,
Царицу благоверную
Марию Темрюковну,
Сестру Мастрюкову,
И взял в провожатые за ней
Три ста́ татаринов,
Четыре ста́ бухаринов,
Пять сот черкашенинов
И любимова шурина
40 Мастрюка Темрюковича,
Молодова черкашенина.
Уж царскова поезду
Без малова три тысячи,
Везут золоту казну
Ко царю в каменну́ Москву.
Переехал царь-государь
Он реки быстрыя,
Грязи смоленския
И леса брынския,
50 Он здравствует, царь-государь,
У себя в каменнóй Москве,
Во полатах белокаменных.

В возлюбленной крестовой своей
Пир навеселе повел,
Столы на радостех.
И все ли князи-бóяра,
Могучие богатыри
И гости званья,
Пять сот донских казаков

⁶⁰ Пьют-едят, потешаются,
Зелено вино кушают,
Белу лебедь рушают,
А един не пьет да не ест
Царской гость дорогой,
Мастрюк Темрюкович,
Молодой черкашенин.
И зачем хлеба-соли не ест,
Зелена вина не кушает,
Белу лебедь не рушает?

⁷⁰ У себя на уме держит:
Изошел он семь городов,
Поборол он семьдесят борцов
И по себе борца не нашел.
И только он думает,
Ему вера поборотися есть
У царя в каменной Москве,
Хочет царя потешити
Со царицею благоверною
Марьею Темрюковною,

⁸⁰ Он хочет Москву загонять,

Сильно царство Московское.

Никита Романович

Об том царю доложил,

Царю Ивану Васильевичу:

«А и гой еси, царь-государь,

Царь Иван Васильевич!

Все князи-бояра,

Могучие богатыри

Пьют-едят, потешаются

⁹⁰ На великих на радостех,

Один не пьет, не ест

Твой царской гость дорогой,

Мастрюк Темрюкович,

Молодой черкашенин —

У себя он на уме держит,

Вера поборотися есть,

Твое царское величество потешити

Со царицею благоверною».

Говорит тут царь-государь,

¹⁰⁰ Царь Иван Васильевич:

«Ты садися, Никита Романович,

На добра коня,

Побеги по всей Москве,

По широким улицам

И по частым переулачкам».

Он будет, дядюшка

Никита Романович,

Середь Урья Повол[ж]скова,

Слободы Александровы, -

110 Два братца родимые
По базару похаживают,
А и бороды бритые,
Усы торженые,
А платья саксонское,
Сапоги с рострубами,
Аб ручку-ту дядюшке челом:
«А и гой еси ты, дядюшка
Никита Романович,
Ково ты спрашиваешь?»

120 Мы борцы в Москве похваленые.
Молодцы поученые, славные!»
Никита Романович
Привел борцов ко дворцу,
Говорили тут борцы-молодцы:
«Ты, Никита Романович,
Ты изволь об том царю доложить,
Смет(ь) ли н[а]га спустить
С царским шурином,
И смет(ь) ли ево побороть?».

130 Пошел он, Никита Романович,
Об том царю доложил,
Что привел борцов ко дворцу.
Злата труба протрубела
Во полате белокаменной,
Говорил тут царь-государь,
Царь Иван Васильевич:
«Ты, Никита Романович,

Веди борцов на двор,
На дворец государевой,
140 Борцов ученых,
Молодцов похваленных,
И в том им приказ отдавай,
Кто бы Матрюка поборол,
Царскова шурина,
Платья бы с плеч снял
Да нагова с круга спустил,
А нагова, как мать родила,
А и мать на свет пустила».
Послышал Матрюк борцов,

150 Скачет прямо Матрюк
Из места большева,
Из угла переднева
Через столы белод[у]бовы,
Через ества сахарныя,
Через питья медяныя,
Левой ногой задел
За столы белодубовы.
Повалил он тридцать столов
Да прибил триста гостей:

160 Живы да не годны,
На карачках ползают
По полате белокаменной —
То похвальба Матрюку,
Матрюку Темрюковичу.
Выбежал тут Матрюк

На крылечка красное,
Кричит во всю голову,
Чтобы слышел царь-государь:
«А свет ты, вольной царь,

¹⁷⁰ Царь Иван Васильевич!
Что у тебя в Москве
За похвальные молодцы,
Поученые, славные?
На ладонь их посажу,
Другой рукою раздавлю!».
С борцами сходится
Мастрюк Темрюкович,
Борьба ево ученая,
Борьба черкасская,

¹⁸⁰ Колесом он бороться пошел.
А и малой выступается
Мишка Борисович,
Смотрит царь-государь,
Что кому будет божья помочь,
И смотрят их борьбу князи-ббюра
И могучие богатыри,
Пять сот донских казаков.
А и Мишка Борисович
С носка бросил о землю

¹⁹⁰ Он царскова шурина,
Похвалил ево царь-государь:
«Исполать тебе, молодцу,
Что чиста борешься!».».

А и Мишка к стороне пошел, -
Ему полно бороться.
А Потанька бороться пошел,
Костылем попирается,
Сам вперед подвигается,
К Мастрюку приближается.

²⁰⁰ Смотрит царь-государь,
Что кому будет божья помочь.
Потанька справился,
За плеча сграбился,
Согнет корчагою,
Воздымал выше головы своей,
Опустил о сыру землю:
Мастрюк без памяти лежит,
Не слышал, как платья сняли.
Был Мастрюк во всем,

²¹⁰ Стал Мастрюк ни в чем,
Ожерелья в пять сот рублей
Без единые денежки,
А платья саксонскова
Снял на три тысячи —
Со стыду и сорому
О карачках под крылец ползет.
Как бы бела лебедушка
По заре она прокликкала,
Говорила царица царю,

²²⁰ Марья Темрюковна:
«Свет ты, вольной царь

Иван Васильевич!

Такова у тебя честь добра

До любимова шурина?

А детина наругается,

Что детина деревенской,

Почто он платья снимает?».

Говорил тут царь-государь:

«Гой еси ты, царица во Москве,

²³⁰ Да ты, Марья Темрюковна!

А не то у меня честь во Москве,

Что татары-те борются,

То-то честь в Москве,

Что русак тешится!

Хотя бы ему голову сломил,

Да любил бы я, пожаловал

Двух братцов родимых,

Двух удалых Борисовичев».

Волх Всеславьевич

По саду, саду, по зеленому,
Ходила-гуляла молода княжна
Марфа Всеславьевна,
Она с каменю скочила на лютова на змея;
Обвивается лютой змей
Около чебота зелен сафьян,
Около чулочика шелкова,
Хоботом бьет по белу стегну.
А втапоры княгиня || понос понесла,

- 10 А понос понесла и дитя родила.
А и на небе просветя светел месяц,
А в Киеве родился могуч богатырь,
Как бы молоды Вольх Всеславьевич.
Подрожала сыра земля,
Стрелося славно царство Индейское,
А и синя моря сколыбалося
Для-ради рожденья богатырскова,
Молода Вольха Всеславьевича;
Рыба пошла в морскую глубину,
- 20 Птица полетела высоко в небеса,
Туры да олени за горы пошли,
Зайцы, лисицы по чащицам,
А волки, медведи по ельникам,
Соболи, куницы по островам.

А и будет Вольх в полтора часа,
Вольх говорит, как гром гремит:
«А и гой еси, сударыня матушка,
Молода Марфа Всеславьевна!

А не пеленай во пелену чер(в)чатую,

30 А не пояс[ай] в поёсья шелкóвые, -

Пеленай меня, матушка,

В крепки латы булатныя,

А на буйну голову клади злат шелом,

По праву руку – палицу,

А и тяжку палицу свинцовую,

А весом та палица в триста пуд».

А и будет Вольх семи годов,

Отдавала ево матушка грамоте учиться,

А грамота Вол(ь)ху в наук пошла;

40 Посадила ево уж пером писать,

Письмо ему в наук пошла.

А и будет Вол(ь)х десяти годов,

Втапоры поучился Вольх ко премудростям:

А и первой мудрости учился —

Обвертоваться ясным соколом,

Ко другой-та мудрости учился он, Вольх, -

Обвертоваться серым волком,

Ко третей-та мудрости учился Вольх —

Обвертоваться гнедым туром-золотыя рога.

50 А и будет Вольх во двенадцать лет,

Стал себе Вольх он дружину прибирать,

Дружину прибирал в три годы;

Он набрал дружину себе семь тысячей;
Сам он, Вольх, в пятнадцать лет,
И вся ево дружина по пятнадцати лет.
Прошла та слава великая
Ко стольному городу Киеву:
Индейской царь нарежается,
А хвалится-похваляется,

60 Хочет Киев-град за щитом весь взять,
А божьи церкви на дым спустить
И почестны монастыри розарить.
А втапору Вольх он догадлив был:
Со всею дружиною хорáброю
Ко славному царству Индейскому
Тут же с ними во поход пошел.
Дружина спит, так Вольх не спит:
Он обвернется серым волком,
Бегал-скакал по темным по лесам и по раменью,

70 А бьет он звери сохатыя,
А и волку, медведю спуску нет,
А и соболи, барсы – любимой кус,
Он зайцам, лисицам не брезгивал.
Вол(ь)х поил-кормил дружину хоробраю,
Абувал-адевал добрых молодцов,
Насили оне шубы соболиныя,
Переменные шубы-то барсовыя.
Дружина спит, так Вольх не спит:
Он обвернется ясным соколом,

80 Полетел он далече на сине море,

А бьет он гусей, белых лебедей,
А и серым малым уткам спуску нет.
А поил-кормил дружинушку хораброю,
А все у него были ества переменныя,
Переменныя ества, сахарныя.
А стал он, Вол(ь)х, вражду чинить:
«А и гой еси вы, удалы добры молодцы!
Не много не мало вас – семь тысячей,
А и ест(ь) [ли] у вас, братцы, таков человек,

⁹⁰ Кто бы обвернулся гнедым туром,
А сбежал бы ко царству Индейскому,
Проведал бы про царство Индейское,
Про царя Салтыка Ставрुльевича,
Про ево буйну голову Батыевичу?».
Как бы лист со травую пристилается,
А вся ево дружина приклоняется,
Отвечают ему удалы добры молодцы:
«Нету у нас такова молодца,
Опричь тебя, Вол(ь)ха Всеславъевича».

¹⁰⁰ А тут таковой Всеславъевич
Он обвернулся гнедым туром-золотыя рога,
Побежал он ко царству Индейскому,
Он первую скок за целу версту скочил,
А другой скок не могли найти;
Он обвернется ясным соколом,
Полетел он ко царству Индейскому.
И будет он во царстве Индейском,
И сел он на полаты белокаменны,
На те на полаты царския,

110 Ко тому царю Индейскому,
И на то окошечко косящето.
А и буйныя ветры по насту тянут,
Царь со царицею в разговоры говорит.
Говорила царица Аздяковна,
Молода Елена Александровна:
«А и гой еси ты, славной Индейской царь!
Изволишь ты нарежаться на Русь воевать,
Про то не знаешь-не ведаешь:

А и на небе просвета светел месяц,
120 А в Киеве родился могуч богатырь,
Тебе царю сопротивничик».
А втапору Вол(ь)х он догадлив был:
Сидючи на окошке косящето,
Он те-та де речи повыслушал,
Он обвернулся горносталем,
Бегал по подвалам, по погребам,
По тем по высоким теремам,
У тугих луков титивки накусывал,
У каленых стрел железцы повынимал,

130 У тово ружья ведь у огненнова
Кременья и шомполы повыдергал,
А все он в землю закапывал.
Обвернется Вольх ясным соколом,
[В]звился он высоко по поднебесью,
Полетел он далече во чисто поле,
Полетел ко своей ко дружине хоробрыя.
Дружина спит, || так Вольх не спит,

Разбудил он удалых добрых молодцов:
«Гой еси вы, дружина хоробрая,

140 Не время спать, пора вставать,
Пойдем мы ко царству Индейскому!».
И пришли оне ко стене белокаменной,
Крепка стена белокаменна,
Вороты у города железныя,
Крюки-засовы все медные,
Стоят караулы денны-нощны,
Стоит подворотня дорог рыбей зуб,
Мудрены вырезы вырезено,
А и только в вырезу мурашú пройти.

150 И все молодцы закручинилися,
Закручинилися и запечалилися,
Говорят таково слово:
«Потерять будет головки напрасныя,
А и как нам будет стена пройти?».
Молоды Вольх он догадлив был:
Сам обернулся мурашиком
И всех добрых молодцов мурашками,
Прошли оне стену белокаменну,
И стали молодцы уж на другой стороне,

160 В славном царстве Индейскием,
Всех обернул добрыми молодцами,
Со своею стали сбруею со ратною,
А всем молодцам он приказ отдает:
«Гой еси вы, дружина хоробрая!
Ходите по царству Индейскому,

Рубите старова, малова,
Не оставьте в царстве на сѣмена,
Оставьте только вы по выбору
Не много не мало – семь тысячей

170 Душечки красны девицы!».

А и ходят ево дружина по царству Индейскому,

А и рубят старова, малова,

А и только оставляют по выбору

Душечки красны девицы.

А сам он, Вольх, во полаты пошел,

Во те во полаты царския,

Ко тому царю ко Индейскому.

Двери были у полат железныя,

Крюки-пробои по булату злачены,

180 Говорит тут Вольх Всеславьевич:

«Хотя нога изломить, а двери выставить!».

Пнет ногой во двери железныя —

Изломал все пробои булатныя.

Он берет царя за белы руки,

А славнова царя Индейскова,

Салтыка Ставрुльевича,

Говорит тут Вольх таково слово:

«А и вас-та, царей, не бьют-не казнят».

Ухватя ево, ударил о кирпичетой пол,

190 Расшиб ево в крохи говенныя.

И тут Вольх сам царем насел,

Взявши царицу Азвяковну,

А и молоду Елену Александровну,

А и те ево дружина хоробрыя
И на тех на девицах переженилися.
А и молоды Вольх тут царем насел,
А то стали люди посадския,
Он злата-серебра выкатил,
А и коней, коров табуном делил,
²⁰⁰ А на всякова брата по сту тысячей.

Сергей Хорош

Ай уж ли вы, миряня,
Государевы дворяне,
Благословите-тка вы, дворяня,
Про Сергея-та сказать,
Про Сергея Боркова,
Сына Федоровича.
А не сергеевской Сергей,
Не володимерской Сергей,
А живал все Сергей

¹⁰ На Уфе на реке,
В ямской слободе,
У попа во дворе,
В приворотней избе.
Спознала про Сергея
С гостинова двора
Гостиная жена,
Гостиная жена,
Крестиною зовут.
Она пива наварила,

²⁰ И ведро вина купила,
Позвала ево, Сергея,
На пирушечку.
Приходил Сергей
Всех прежде людей.

А для-ради Сергея
И суседей позвала.

А и тот с борку,
Иной с борку,
Уже полна изба

30 Принабуркалася.

А и день к вечеру
Вечеряется,
Сергей молодец
Напивается,
Изволил он, Сергей,
Ко двору своему идти,
Ко подворью своему.

А в доме Сергей
Он опаслив был,

40 Он опаслив был

И не верел жене,
И не верил жене
И ревнив добре.
Заглянет Сергей
В огороде-хмельнике,
В огороде-хмельнике,
На повети в сеннике,
На перине на боку,
В шитом-браном пологу́,

50 А и ту[т] Сергей
Не видал никово.
Заглянет Сергей

Во свином котухе,
А увидел он, Сергей,
Чужова мужика,
А чужова мужика
На жене-то своей
А мужик.....
Сергееву жену.

⁶⁰ Сергей заревел,
Мужика испужал,
А мужик побежал,
На поветь скакнул,
На поветь скакнул,
Он поветь обломил,
Да скотину задовил,
Он быка задовил,
Овцу яловицу,
Овцу яловицу,

⁷⁰ Семерых поросят.
А стала у Сергея
Три беды во дому:
Первая беда —
Мужик поветь обломил,
А другая беда —
То скотину задовил,
А третья беда —
То жену его....
А сел Сергей,

⁸⁰ Сам расплачется:

«А не жаль мне повети
И скотины своя,
Жаль мне тово,
Кто жену мою...,
Не..... ушел, -
С тоски пропадет.
А кабы-де он...,
Спасиба бы сказал,
А спасиба бы сказал,

⁹⁰ Могорец заплатил.
А повесть-та бы цела
И скотина-та жива,
И скотина-та жива
И жена ба весела,
А столь бы весела,
Будто ни в чем не была.

Иван гостиной сын

В стольном в городе во Киеве,
У славнова князя Владимира
Было пированья-почестной пир,
Было столованья-почестной стол
На многи князи-ббьяра
И на русския могучия богатыри
И гости богатыея.

Будет день в половина дня,
Будет пир во полупире,

10 Владимир-князь распотешился,
По светлой гридне похаживает,
Таковы слова поговаривает:
«Гой еси, князи и ббьяра
И все русския могучия богатыри!
Есть ли в Киеве таков человек,
Кто б похвалился на три ста жеребцов,
На три ста жеребцов и на три жеребца похваленныя:
Сив жеребец да кологрив жеребец,
И которой полонен Воронко во Большой орде,

20 Полонил Илья Муромец сын Иванович
Как у молода Тугарина Змеевича,
Из Киева бежать до Чернигова
Два девяноста-то мерных верст
Промеж обедней и заутренею?».

Как бы большой за меньшова хоронется,
От меньшова ему тут, князю, ответу нету.
Из тово стола княженецкова,
Из той скамьи богатырския
Выступается Иван Гостиной сын,

30 И скочил на свое место богатырское
Да кричит он, Иван, зычным голосом:
«Гой еси ты, сударь, ласковой Владимир-князь!
Нет у тебя в Киеве охотников
А и быть перед князем невольником!
Я похваюсь на три ста жеребцов
И на три жеребца похваленя:
А сив жеребец да кологрив жеребец
Да третей жеребец – полонян Воронко,
Да которой полонян во Большой орде,

40 Полонил Илья Муромец сын Иванович
Как у молода Тугарина Змеевича,
Ехать дорога не ближняя
И скакать из Киева до Чернигова
Два девяноста-то мерных верст
Промежу обедни и заутрени,
Ускоки давать кониня,
Что выметывать роздолья широкия.
А бьюсь я, Иван, о велик заклад:
Не о сте рублях, не о тысячу —

50 О своей буйной голове!».
За князя Владимира держат || поруки крепкия
Все тут князи и ббьяра,

Тута-де гости-карабельщики;
Закладу оне за князя кладут на сто тысячей,
А некто-де тут за Ивана поруки не держит.
Пригодился тут владыка черниговский,
А и он-та за Ивана поруку держит,
Те он поруки крепкия,
Крепкия на сто тысячей.

60 Подписался молоды Иван Гостиной сын,
Он выпил чару зелена вина в полтора ведра,
Походил он на конюшну белодубову,
Ко своему доброму коню,
К бурочку-косматочку, троелеточку,
Падал ему в правое копытечка,
Плачет Иван, что река течет:
«Гой еси ты, мой доброй конь,
Бурочко-косматочко, троелеточко!
Про то ты ведь не знаешь-не ведаешь,

70 А пробил я, Иван, буйну голову свою
Со тобою, добрым конем,
Бился с князем о велик заклад,
А не о сте рублях, не о тысячу, -
Бился с ним о сте тысячей,
Захвастался на три ста жеребцов,
А на три жеребца похваленя:
Сив жеребец да кологрив жеребец,
И третьей жеребец – полонян Воронко, -
Бегати-скакать на добрых на конях,

80 Из Киева скакать до Чернигова

Промежу обедни, заутрени,
Ускоки давать конинья,
Что выметывать роздолья широкия».
Провещится ему доброй конь,
Бурочко-косматочко, троелеточко,
Человеческим русским языком:
«Гой еси, хозяин ласковой мой!
Ни о чем ты, Иван, не печалуйся:
Сива жеребца тово не боюсь,

⁹⁰ Кологрива жеребца того не блюдусь,
В задор войду – у Воронка уйду,
Только меня води по три зорі,
Медвяною сытою пої,
И сорочинским пшеном корми.
И пройдут те дни срочныя
И те часы урочныя,
Придет от князя грозен посол
По тебя-та, Ивана Гостинова,
Чтобы бегати-скакати на добрых на конях;

¹⁰⁰ Не седлай ты меня, Иван, добра коня,
Только берись за шелков поводок,
Поведешь по двору княженецкому,
Вздень на себя шубу соболиную,
Да котора шуба в три тысячи,
Пуговки в пять тысячей.
Поведешь по двору княженецкому,
А стану-де я, бурка, передом ходить,
Копытами за шубу посапывати
И по черному соболю выхватывати,

110 На все стороны побрасовати, -
Князи-бояра подивуются,
И ты будешь жив – шубу наживешь,
А не будешь жив – будто нашивал».
По сказаному и по писаному
От великова князя посол пришел,
А зовет-та Ивана на княженецкой двор.
Скоро-де Иван нарежается,
И вздевал на себя шубу соболиную,
Которой шубы цена || три тысячи,

120 А пуговики вольящетыя в пять тысячей;
И повел он коня за шелков поводок.
Он будет-де Иван среди двора княженецкова,
Стал ево бурко передом ходить,
И копытами он за шубу посапывати,
И по черному соболю выхватывати,
Он на все стороны побрасовати, -
Князи и бояра дивуются,
Купецкия люди засмотрелися.
Зрявкает бурко по-туриному,

130 Он шип пустил по-змеиному,
Три ста жеребцов испужалися,
С княженецкого двора разбежались,
Сив жеребец две ноги изломил,
Кологрив жеребец тот и голову сломил,
Полонян Воронко в Золоту орду бежит,
Он, хвост подняв, сам всхрапывает.
А князи-та и бояра испужалися,

Все тут люди купецкия
Акарачь оне по́ двору напoлзалися.

- 140 А Владимир-князь со княгинею печален стал,
По подполью напoлзалися.
Кричит сам в окошечко косящетоe:
«Гой еси ты, Иван Гостиной сын,
Уведи ты уродья со двора долой —
Прóсты поруки крепкия,
Записи все изодранья!».
- Втапоры владыка черниговской
У великова князя на почестном пирѹ
Велел захватить три карабля на быстрѹм Непрѹ,
150 Велел похватить кáрабли
С теми товары заморскими, -
А князи-де и бояра никуда от нас не уйдут.

Три года Добрынюшка стольничел

В стольном в городе во Киеве,
У славнова сударь-князя у Владимира
Три годы Добрынюшка стольничал,
А три годы Никитич приворотничал,
Он стольничал, чашничал девять лет,
На десятой год погулять захотел
По стольному городу по Киеву.
Взявши Добрынюшка тугой лук
А и колчан себе каленых стрел,

¹⁰ Идет он по широким по улицам,
По частым мелким переулачкам,
По горницам стреляет воробушков,
По повалушам стреляет он сизых голубей.
Зайдет в улицу Игнатъевску
И во тот переулок Маринин,
Взглянет ко Марине на широкой двор,
На ее высокия терема.
А у молоды Марины Игнатъевны,
У ее на хорошем || высоком терему

²⁰ Сидят тут два сизыя голуб
Над тем окошечком косящетым,
Цалуются оне, милуются,
Желты носами обнимаются.
Тут Дабрыни за беду стало:

Будто над ним насмеваются.
Стреляет в сизых голубей,
А спела ведь титивка у туга́ лука́,
[В]звыла да пошла каленá стрелá.
По грехам над Добрынею учинилася:

30 Левая нога ево покóльзнула,
Права рука угрогнула:
Не попал он в сизых голубей,
Что попал он в окошечко косящето́е,
Проломил он окон(н)ицу стекольчето́ю,
Отшиб все причалины серебряныя.
Росшиб он зеркала стекольчето́е,
Белодубовы столы пошаталися,
Что питья медяные восплеснулися.
А втапоры Марине безвременье было,

40 Умывалася Марина, снарежалася
И бросилася на свой широкий двор:
«А кто это невежа на двор заходил?
А кто это невежа в окошко стреляет?
Проломил оконницу мою стекольчето́ю,
Отшиб все причалины серебряныя,
Росшиб зеркала стекольчето́е?».
И втепоры Марине за беду стало,
Брала она следы горячия молодецкия,
Набирала Марина беремья дров,

50 А беремья дров белодубовых,
Клала дровца в печку муравленую
Со темя следы горячими,

Разжигает дрова полящетым огнем
И сама она дровам приговариват:
«Сколь жарко дрова разгораются
Со темя следы молодёцкими,
Разгоралось бы сер(д)це молодецкое
Как у мблода Добрынюшки Никитьевича!».
А и божья крепко, вражья-то лепко.

60 Взяла Добрыню пуше вострова ножа
По ево по сер(д)цу богатырскому:
Он с вечера, Добрыня, хлеба не ест,
Со полуночи Никитичу не уснетя,
Он белова свету даждается.
По ево-та щаски великия
Рано зазвонили ко заутреням.
Встает Добрыня ранешонько,
Подпоясал себе сабельку вострою,
Пошел Добрыня к заутрени,

70 Прошел он церкву соборную,
Зайдет ко Марине на широкой двор,
У высокова терема послушает.
А у мблоды Марины вечеренка была,
А и собраны были душечки красны девицы,
Сидят и молоденьки молодушки,
Все были дочери отецкия,
Все тут были жены молодецкия.
Вшел он, Добрыня, во высок терем, -
Которыя девицы приговаривают,

80 Она, молода Марина, отказывает и прибранивает.

Втапоры Добрыня не во что положил,
И к ним бы Добрыня в терем не пошел,
А стала ево Марина в окошко бранить,
Ему больно пенять.

Завидел Добрыня он Змея Горынчета,
Тут ему за беду стало,
За великую досаду показалось,
[В]збежал на крылечка на красная,
А двери у терема железныя,

⁹⁰ Заперлася Марина Игнатъевна.

А и молоды Добрыня Никитич млад
Ухватит бревно он в охват толщины,
А ударил он во двери железныя,
Недоладом из пяты он вышиб вон
И [в]збежал он на сени косящеты.

Бросилась Марина Игнатъевна
Бранить Добрыню Никитича:
«Деревенщина ты, детина, зашелщина!
Вчерась ты, Добрыня, на двор заходил,

¹⁰⁰ Проломил мою оконницу стекольчетую,
Ты росшиб у меня зеркало стекольчетое!».

А бросится Змеишша Горынчишша,
Чуть ево, Добрыню, огнем не спалил,
А и чуть молодца хоботом не ушиб.
А и сам тут Змей почал бранити ево, больно пеняти:

«Не хочу я звати Добрынею,
Не хочу величать Никитичем,
Называю те детиною-деревенщиною и зашельшиною,
Почто ты, Добрыня, в окошко стрелял,

110 Проломил ты оконницу стекольчетую,
Росшиб зеркало стекольчетое!».
Ему тут-тка, Добрыни, за беду стало
И за великую досаду показалось;
Вынимал саблю вострую,
Воздымал выше буйны головы своей:
«А и хочешь ли тебе, Змея,
Изрублю я в мелкия части пирожныя,
Разбросаю далече по чистом полю?».
А и тут Змей Горынич,

120 Хвост поджав, да и вон побежал,
Взяла его страсть, так зачал срать,
А кольишки метал, по три пуда срал.
Бегучи, он, Змей, заклинается:
«Не дай бог бывать ко Марине в дом,
Есть у нее не один я друг,
Есть лутче меня и повежливея».
А молода Марина Игнатъевна
Она высунолась по пояс в окно
В одной рубашке без пояса,

130 А сама она Змея уговаривает:
«Воротись, мил надежда, воротись, друг!
Хошь, я Добрыню оберну клячею водовозною?
Станет-де Добрыня на меня и на тебя воду возить,
А еще – хошь, я Добрыню обверну гнедым туром?».
Обвернула ево, Добрыню, гнедым туром,
Пустила ево далече во чистое поля,
А где-та ходят девять туров,

А девять || туров, девять братиников,
Что Добрыня им будет десятой тур,

¹⁴⁰ Всем атаман-золотья рога!

Безвестна, не стала богатыря,
Молода Добрыня Никитьевича,
Во стольном в городе во Киеве.
А много-де прошло поры, много времени,
А и не было Добрыни шесть месяцев,
По нашему-то сибирскому словоет полгода.
У великова князя вечеринка была,
А сидели на пиру честныя вдовы,
И сидела тут Добрынина матушка,

¹⁵⁰ Честна вдова Афимья Александровна,

А другая честна вдова, молода Анна Ивановна,
Что Добрынина матушка крестовая;
Промежу собою разговоры говорят,
Все были речи прохладныя.
Неоткуль взялась тут Марина Игнатъевна,
Водилася с дитятеми княженецкими,
Она больно, Марина, упивалася,
Голова на плечах не держится,
Она больно, Марина, похваляется:

¹⁶⁰ «Гой еси вы, княгини, боярыни!

Во стольном во городе во Киеве
А и нет меня хитрея-мудрея,
А и я-де обвернула девять молодцов,
Сильных-могучих богатырей гнедыми турами,
А и ноне я-де опустила десятова молодца,

Добрыня Никитьевича,
Он всем атаман-золотые рога!».

За то-то слово изымается
Добрынина матушка родимая,

¹⁷⁰ Честна вдова Афимья Александровна,

Наливала она чару зеленá вина,
Подносила любимой своей кумушке,

И сама она за чарою заплакала:
«Гой еси ты, любимая кумушка,
Молода Анна Ивановна!

А и выпей чару зелена вина,
Поминай ты любимова крестника,
А и молода Добрыню Никитьевича,
Извела ево Марина Игнатьевна,

¹⁸⁰ А и ноне на пиру похваляится».

Прогóворит Анна Ивановна:
«Я-де сама эти речи слышела,
А слышела речи ее похваленыя!».

А и молода Анна Ивановна
Выпила чару зелена вина,
А Марину она по щеке ударила,
(С)шибла она с резвых ног,
А и топчет ее по белым грудям,
Сама она Марину больно бранит:

¹⁹⁰ «А и, сука, ты..... еретница-.....!

Я-де тебе хитрея и мудреная,
Сижу я на пиру не хвастаю,
А и хошь ли, я тебя сукой обверну?

А станешь ты, сука, по городу ходить,
А станешь ты, Марина,
Много за собой псов водить!».
А и женское дело прелестивое,
Прелестивое-перепадчивое.
Обвернулася Маринка косаточкой,

²⁰⁰ Полетела далече во чисто поле,
А где-та ходят девять турбв,
Девять братеников,
Добрыня-та ходит десятой тур.
А села она на Добрыню на правой рог,
Сама она Добрыню уговаривает:
«Нагулялся ты, Добрыня, во чистом || поле,
Тебе чистое поле наскучала,
И зыбучия болота напрокучили,
А и хошь ли, Добрыня, жениться?

²¹⁰ Возьмешь ли, Никитич, меня за себя?».
«А, право, возьму, ей богу, возьму!
А и дам те, Марина, поученьица,
Как мужья жен своих учат!».
Тому она, Марина, не поверила,
Обвернула ево добрым молодцом
По-старому-по-прежнему,
Как бы сильным-могучим богатырем,
Сама она обвернулася девицею,
Оне в чистом поле женилися,

²²⁰ Круг ракитова куста венчались.
Повел он ко городу ко Киеву,

А идет за ним Марина роскозякою,
Пришли оне ко Марине на высбк терём,
Говорил Добрынюшка Никитич млад:
«А и гой еси ты, моя молодая жена,
Молода Марина Игнатъевна!
У тебя в высоких хороших теремах
Нету Спасова образа,
Некому у тя помолитися,

²³⁰ Не за что стенам поклонитися,
А и, чай, моя вострая сабля заржавела».
А и стал Добрыня жену свою учить,
Он молоду Марину Игнатъевну,
Еретницу-..... -безбожницу:
Он первое ученье – ей руку отсек,
Сам приговаривает:
«Эта мне рука не надобна,
Трепала она, рука, Змея Горынчишша!».
А второе ученье – ноги ей отсек:

²⁴⁰ «А и эта-де нога мне не надобна,
Оплеталася со Змеем Горынчишшем!».
А третье ученье – губы ей обрезал
И с носом прочь:
«А и эти-де мне губы не надобны,
Целовали оне Змея Горынчишша!».
Четвертое ученье – голову ей отсек
И с языком прочь:
«А и эта голова не надобна мне,
И этот язык не надобен,

250 Знал он дела еретическия!».

Про Василья Буслаева

В славном великом Нове-граде
А и жил Буслай до девяноста лет,
С Новым-городом жил, не перечился,
Со мужики новгородскими
Поперек словечка не говаривал.
Живучи Буслай состарелся,
Состарелся и переставился.
После ево веку долгова
Аставалася его житье-бытье

10 И все имение дворянское,
Асталася матера вдова,
Матера Амелфа Тимофевна,
И оставалася чадо милая,
Молодой сын Василей Буслаевич.
Будет Васинька семи годов,
Отдавала матушка родимая,
Матера вдова Амелфа Тимофеевна,
Учить ево во грамоте,
А грамота ему в наук пошла;

20 Присадила пером ево писать,
Письмо Василью в наук пошло;
Отдавала петью учить церковному,
Петью Василью в наук пошло.
А и нет у нас такова певца́

Во славном Нове-городе
Супротив Василья Буслаева.
Поводился ведь Васька Буслаевич
Со пьяницы, со безумницы,
С веселыми удалами добрыми молодцы,

30 Допьяна уже стал напиватися,
А и ходя в городе, уродует:
Которова возьмет он за руку, -
Из плеча тому руку выдернет;
Которова заденет за ногу, -
То из гузна ногу выломит;
Которова хватит поперек хребта, -
Тот кричит-ревет, окарачь ползет;
Пошла-та жалоба великая.
А и мужики новгородския,

40 Посадския, богатяя,
Приносили жалобу оне великую
Матерой вдове Амелфе Тимофевне
На тово на Василья Буслаева.
А и мать-та стала ево журить-бранить,
Журить-бранить, ево на ум учить.
Журьба Ваське не взлюбилася,
Пошел он, Васька, во высок терем,
Садился Васька на ременчетой стул,
Писал ерлыки скоропищеты,

50 О[т] мудрости слово поставлено:
«Кто хочет пить и есть из готовова,
Валися к Ваське на широкой двор,

Тот пей и ешь готовое

И носи платье разноцветное!».

Россылал те ерлыки со слугой своей

На те вулицы широкия

И на те частыя переулачки.

В то же время поставил Васька чан среди двора,

Наливал чан полон зелена вина,

⁶⁰ Опускал он чару в полтара ведра.

Во славном было во Нове-градѣ,

Грамоты люди шли прочитали,

Те ерлыки скоропищеты,

Пошли ко Ваське на широкой двор,

К тому чану зелену вину.

Вначале был Костя Новоторженин,

Пришел он, Костя, на широкой двор,

Василей тут ево опробовал:

Стал ево бити червленим вязом,

⁷⁰ В половине было налито

Тяжела свинцу чебурацкова,

Весом тот вяз был во двенадцать пуд;

А бьет он Костю по буйной голове,

Стоит тут Костя не шевел(ь)нится,

И на буйной голове кудри не тряхнутся.

Говорил Василей сын Буслаевич:

«Гой еси ты, Костя Новоторженин,

А и будь ты мне названой брат

И паче мне брата родимова!».

⁸⁰ А и мало время позамешкавши,

Пришли два брата боярченка,
Лука и Мосей, дети боярские,
Пришли ко Ваське на широкой двор.
Молоды Василей сын Буслаевич
Тем молодцам стал радошен и веселешонек.
Пришли тут мужики Залешена,
И не смел Василей показаться к ним,
Еще тут пришло семь братов Сбродовичи,
Собиралися-соходилися

⁹⁰ Тридцать молодцов без единова,
Он сам, Василей, тридцатой || стал.
Какой зайдет – убьют ево,
Убьют ево, за ворота бросят.
Послышел Васинька Буслаевич
У мужиков новгородских
Канун варен, пива яшныя, -
Пошел Василей со дружиною,
Пришел во братшину в Никол(ь)шину:
«Не малу мы тебе сып платим:

¹⁰⁰ За всякова брата по пяти рублев!».
А за себе Василей дает пятьдесят рублев,
А и тот-та староста церковной
Принимал их во братшину в Никол(ь)шину,
А и зачали оне тут канун варен пить,
А и те-та пива ячныя.
Молоды Василей сын Буслаевич
Бросился на царев кабак
Со своею дружиною хорабраю,
Напилися оне тут зелена вина

110 И пришли во братшину в Никол(ь)шину.

А и будет день ко вечеру,
От малова до старова
Начали уж ребята боротися,
А в ином кругу в кулаки битися;
От тое борьбы от ребячия,
От тово бою от кулачнова
Началася драка великая.
Молоды Василей стал драку разнимать,
А иной дурак зашел с носка,

120 Ево по уху оплел,
А и тут Василей закричал громким голосом:

«Гой еси ты, Костя Новоторженин
И Лука, Моисей, дети боярския,
Уже Ваську меня бьют!».

Поскокали удалы добры молодцы,
Скоро оне улицу очистели,
Прибили уже много дó смерти,
Вдвое-втрое перековеркали,
Руки, ноги переламали, -

130 Кричат-ревут мужики посадския.

Говорит тут Василей Буслаевич:
«Гой еси вы, мужики новгородския,

Бьюсь с вами о велик заклад:

Напускаюсь я на весь Нов-город битися-дратися

Со всею дружиною хоробраю —

Тако вы мене с дружиною побьете Новым-городом,

Буду вам платить дани-выходы по смерть свою,

На всякой год по́ три тысячи;

А буде же я вас побью и вы мне покоритися,

140 То вам платить мне такову же дань!».

И в том-та договору руки оне подписали.

Началась у них драка-бой великая,

А и мужики новгородския

И все купцы богатя,

Все оне вместе сходилися,

На млада Васютку напущалися,

И дерутся оне день до вечера.

Молоды Василей сын Буслаевич

Со своею дружиною хороброю

150 Прибили оне во Навé-градé,

Прибили уже много до́ смерте.

А и мужики новгородские догадалися,

Пошли оне с дорогими подарки

К матерой вдове Амелфе Тимофевне:

«Матера вдова Амелфа Тимофевна!

Прими || у нас дороги подарочки,

Уйми свое чадо милоя

Василья Буславича!».

Матера вдова Амелфа Тимофевна

160 Принимала у них дороги подарочки,

Посылала девушку-чернавушку

По тово Василья Буслаева.

Прибежала девушка-чернавушка,

Сохватала Ваську во белы́ руки́,

Потащила к матушке родимья.

Притащила Ваську на широкой двор,
А и та старуха неразмышлена
Посадила в погребы глубокия
Молода Василья Буслаева,

¹⁷⁰ Затворяла дверьми железными,
Запирала замки булатными.
А ево дружина хоробрая
Со темя мужики новгородскими
Дерутся-бьются день до вечера.
А и та-та девушка-чернавушка
На Вольх-реку ходила по воду,
А [в]змолятся ей тут добры молодцы:
«Гой еси ты, девушка-чернавушка!
Не подай нас у дела у ратнова,

¹⁸⁰ У тово часу смертна!».
И тут девушка-чернавушка
Бросала она ведро кленовая,
Брала коромысла кипарисова,
Коромыслом тем стала она помахивати
По тем мужикам новгородским,
Прибила уж много доб смерте.
И тут девка запышалася,
Побежала ко Василью Буслаеву,
Срывала замки булатныя,

¹⁹⁰ Отворяла двери железные:
«А и спишь ли, Василей, или так лежишь?
Твою дружину хоробраю
Мужики новгородския

Всех прибили-переранили,
Булавами буйны головы пробиваны».
Ото сна Василей пробужается,
Он выскочил на широкой двор,
Не попала палица железная,
Что попала ему ось тележная,

²⁰⁰ Побежал Василей по Нову-городу,
По тем по широким улицам.
Стоит тут старец-пилигримишша,
На могучих плечах держит колокол,
А весом тот колокол во триста пуд,
Кричит тот старец-пилигримишша:
«А стой ты, Васька, не попорхивай,
Молоды глуздырь, не полетывай!
Из Волхова воды не выпити,
Во Нове́-граде людей не выбити;

²¹⁰ Есть молодцов сопровтив тебе,
Стоим мы, молодцы, не хвастаем!».
Говорил Василей таково слово:
«А и гой еси, старец-пилигримишша,
А и бился я о велик заклад
Со мужики новгородскими,
Апричь почес(т)нова мона́стыря,
Опричь тебе, старца-пилигримишша,
Во задор войду – тебе убью!».
Ударил он старца во колокол

²²⁰ А и той-та осью тележную, -
Начается старец, не шевелнится,

Заглянул он, Василей, старца под колоколом —
А и во лбе глаз уж веку нету.
Пошел Василей по Волх-реке,
А идет Василей по Волх-реке,
По той Волховой по улице,
Завидели добрыя молодцы,
А ево дружина хоробра
Молода Василья || Буслаева:

²³⁰ У ясных соколов крылья отросли,
У их-та, молодцов, думушки прибыло.
Молоды Василей Буслаевич
Пришел-та молодцам на выручку.
Со темя мужики новгородскими
Он дерется-бьется день до вечера,
А уж мужики покорилися,
Покорилися и помирилися,
Понесли оне записи крепкия
К матерой вдове Амелфе Тимофевне,

²⁴⁰ Насыпали чашу чистова сѣребра,
А другую чашу краснова зблота,
Пришли ко двору дворянскому,
Бьют челом-поклоняются:
«А сударыня матушка!
Принимай ты дороги подарочки,
А уйми свое чадо милая,
Молода Василья со дружиною!
А и рады мы платить
На всякой год по три тысячи,

250 На всякой год будем тебе носить

С хлебников по хлебику,

С калачников по калачику,

С молодиц повенешное,

С девиц повалешное,

Со всех людей со ремесленных,

Опричь попов и дьяконов».

Втапоры матера вдова Амелфа Тимофевна

Посылала девушка-чернавушка

Привести Василья со дружиною.

260 Пошла та девушка-чернавушка,

Бежавши-та девка запышáлася,

Нельзя пройти девки по улице:

Что полтеи по улице валяются

Тех мужиков новгородских.

Прибежала девушка-чернавушка,

Сохватала Василья за белы руки,

А стала ему рассказавати:

«Мужики пришли новгородския,

Принесли оне дороги подарочки,

270 И принесли записи заручныя

Ко твоей сударыне матушке,

К матерой вдове Амелфе Тимофевне».

Повела девка Василья со дружиною

На тот на широкий двор,

Привела-та их к зелено вину,

А сели оне, молодцы, во единой круг,

Выпили ведь по чарочке зелена вина

Со тово урасу молодецкова
От мужиков новгородских.

²⁸⁰ Скричат тут робята зычным голосом:

«У мота и у пьяницы,
У млада Васютки Буславича,
Не упита, не уедено,
В красне хóрошо не ухóжено,
А цветнова платья не унóшено,
А увечье на век залéзено!».
И повел их Василей обедати
К матерой вдове Амелфе Тимофеевне.
Втапоры мужики новгородския

²⁹⁰ Приносили Василью подарочки

Вдруг сто тысячей,
И затем у них мировá пошла,
А и мужики новгородския
Покорилися и сами поклонилися.

О женитьбе князя Владимира

В стольном в городе во Киеве,
Что у ласкова сударь-князя Владимира
А и было пированье-почестной пир,
Было столованье-почестной стол.
Много на пиру было князей и бояр
И русских могучих богатырей.
А и будет день в половина дня,
Княженецкой стол во полустоле,
Владимер-князь распотешился,

¹⁰ По светлой гридне похаживает,
Черныя кудри рочосавает,
Говорил он, сударь ласковой Владимир-князь,
Таково слово:

«Гой еси вы, князи и ббьяра
И могучие богатыри!
Все вы в Киеве переженены,
Только я, Владимир-князь, холост хожу,
А и холост я хожу, неженат гуляю,
А кто мне-ка знает сопротивницу,

²⁰ Сопротивницу знает, красну дэвицу:
Как бы та была девица станом статна́,
Станом бы статна и умом свершна́,
Ее белое лицо как бы белой снег,
И ягодицы как бы маков цвет,

А и черныя брови как соболи,
А и ясныя очи как бы у сокола».
А и тут большей за меньшева хоронится,
От меньшова ему, князю, ответу нету.
Из тово было стола княженецкова,

30 Из той скамьи богатырския
Выступается Иван Гостиной сын,
Скочил он на место богатырское,
Скричал он, Иван, зычным голосом:
«Гой еси ты, сударь ласковой Владимир-князь,
Благослови пред собой слово молвити,
И единое слово безопальное,
А и без тое палы великия.
Я ли, Иван, в Золотой орде бывал
У грознова короля Етмануила Етмануиловича

40 И видел во дому ево дву дочерей:
Первая дочь – Настасья королевишна,
А другая – Афросинья королевишна;
Сидит Афросинья в высоком терему,
За тридесять замками булатными,
А и буйныя ветры не вихнут на ее,
А красное со(л)нцо не печет лицо;
А и то-та, сударь, девушка станом статна́,
Станом статна и умом свершна́;
Белое лицо как бы белой снег;

50 А и ягодицы как маков цвет;
Черныя брови как бы соболи;
Ясныя очи как у сокола,

Посылай ты, сударь, Дуная свататься!».

Владимер-князь стольной киевской

Приказал наливать чару зелена вина в полтора ведра,

Подносить Ивану Гостиному

За те ево слова хорошия,

Что сказал ему обрушницу.

Призывает он, Владимир-князь,

⁶⁰ Дуная Иваныча в спальню к себе

И стал ему на словах говорить:

«Гой еси ты, Дунай сын Иванович!

Послужи ты мне службу заочную:

Съезди, Дунай, || в Золоту орду

Ко грозному королю Етмануилу Етмануиловичу

О добром деле – о сватонье

На ево любимой на дочери,

На чес(т)ной Афросинье королевишне,

Бери ты моей золотой казны,

⁷⁰ Бери три ста жеребцов

И могучих богатырей».

Подносит Дунаю чару зелена вина в полтара ведра,

Турей рог меду сладкова в полтретья ведра.

Выпивает он, Дунай, чару тоя зеленá винá

И турей рог меду сладкова.

Разгоралася утроба богатырская,

И могучия плечи расходилися

Как у молода Дуная Ивановича,

Говорит он, Дунай, таково слово:

⁸⁰ «А и ласково со(л)нцо, ты Владимир-князь!

Не нада мне твоя золота казна,
Не нада три ста жеребцов
И не нада могучия богатыри,
А и только пожалуй одново мне молодца,
Как бы молода Екима Ивановича,
Которой служит Алешки Поповичу».
Владимер-князь стольной киевской
Тотчас сам он Екима руками привел:
«Вот-де те, Дунаю, будет паробочок!».

⁹⁰ А скоро Дунай снарежается,
Скоря тово богатыри пое(зд)ку чинят
Из стольнова города Киева
В дальну орду Золоту землю.
И поехали удалы добры моладцы,
А и едут неделю спбряду
И едут неделю уже другую,
И будут оне в Золотой орде
У грознова короля Етмануила Етмануиловича;
Среди двора королевского

¹⁰⁰ Скакали молодцы с добрых коней,
Привезали добрых коней к дубову столбу,
Походили во полату белокаменну.
Говорит тут Дунай таково слово:
«Гой еси, король в Золотой орде!
У тебе ли во полатах белокаменных
Нету Спасова образа,
Некому у те помолитися.
А и не за что тебе поклонитися».
Говорит тут король Золотой орды,

110 А и сам он, король, усмехается:
«Гой еси, Дунай сын Иванович!
Али ты ко мне приехал
По-старому служить и по-прежнему?».
Отвечает ему Дунай сын Иванович:
«Гой еси ты, король в Золотой орде!
А и я к тебе приехал
Не по-старому служить и не по-прежнему,
Я приехал о деле о добром к тебе,
О добром-то деле – о сватонье:

120 На твоей, сударь, любимой-то на дочери,
На чес(т)ной Афросинье королевичне,
Владимер-князь хочет жениться».
А и тут королю за беду стало,
А рвет на главе кудри черныя
И бросает о кирпичет пол,
А при том говорит таковое слово:
«Гой еси ты, Дунай сын Иванович,
Кабы прежде у меня не служил верою и правдою,
То б велел посадить во погребы глубокия

130 И уморил бы смертью голодною
За те твои слова за бездельныя».
Тут Дунаю за беду стало,
Разгоралась || ево сер(д)ца богатырское,
Вынимал он свою сабельку вострую,
Говорил таково слово:
«Гой еси, король Золотой орды!
Кабы у тя во дому не бывал,

Хлеба-соли не едал,
Ссек бы по плеч буйну голову!».

¹⁴⁰ Тут король неладом заревел зычным голосом,
Псы борзы заходили на цепях,
А и хочет Дуная живьем сравить
Теми кобелями медеянскими.
Скричит тут Дунай сын Иванович:
«Гой еси, Еким сын Иванович,
Что ты стал да чево гледишь?
Псы борзы заходили на цепях,
Хочет нас с тобой король живьем сравить!».
Бросился Еким сын Иванович,

¹⁵⁰ Он бросился на широкой двор,
А и те мурзы-улановья
Не допустят Екима до добра коня,
До своей ево палицы тяжкия,
А и тяжкия палицы, медные литы,
Оне были в три тысячи пуд;
Не попала ему палица железная,
Что попала ему ось-та тележная,
А и зачел Еким помахивати,
Прибил он силы семь тысячей мурзы-улановья,

¹⁶⁰ Пять сот он прибил медеянских кобелей,
Закричал тут король зычным голосом:
«Гой еси, Дунай Иванович!
Уйми ты своего слугу вернова,
Оставь мне силы хоть на семены,
А бери ты мою дочь любимую,

Афросинью королевишну».

А и молоды Дунай сын Иванович

Унимал своего слугу вернова,

Пришел ко высокому терему,

¹⁷⁰ Где сидит Афросинья в высоком терему,

За тридесять замками булатными.

Буйны ветры не вихнут на ее,

Красное со(л)нцо лица не печет,

Двери у полат были железныя,

А крюки-пробои по бу(л)ату злачены.

Говорил тут Дунай таково слово:

«Хоть нога изломить, а двери выставить!».

Пнет во двери железныя,

Приломал он крюки булатныя,

¹⁸⁰ Все тут полаты зашаталися,

Бросится девица, испужалася,

Будто угорелая вся,

Хочет Дуная во уста целовать.

Проговорит Дунай сын Иванович:

«Гой еси, Афросинья королевишна!

А и ряженой кус, да не суженому есть!

Не целую я тебя во сахарныя уста,

А и бог тебе, красну девицу, милует:

Дастанешьса ты князю Владимиру».

¹⁹⁰ Взял ее за руку за правую,

Повел из полат на широкой двор,

А и хочут садиться на добрых на коней,

Спohватился король в Золотой орде,

Сам говорил таково слово:

«Гой еси ты, Дунай Иванович,
Пожалуй подожди мурзы-улановья!».

И отправляет король своих мурзы-улановья
Везти за Дунаем золоту казну.

И те мурзы- || улановья

²⁰⁰ Тридцать телег ординских насыпали
Златом и серебром и скатным земчугом,
А сверх того каменья самоцветными.
Скоро Дунай снарежается,
И поехали оне ко городу ко Киеву.
А и едут неделю уже спбряду,
А и едут уже другую,
И тут же везут золоту казну.
А наехал Дунай бродучей след,
Не доехавши до Киева за сто верст,

²¹⁰ Сам он Екиму тут стал наказывать:
«Гой еси, Еким сын Иванович,
Вези ты Афросинью королевичну
Ко стольному городу ко Киеву,
Ко ласкову князю Владимиру
Честно-хвально и радостно,
Было бы нам чем похвалиться
Великому князю во Киеве».
А сам он, Дунай, поехал по тому следу,
По свежему, бродучему.

²²⁰ А и едет уж сутки другие,
В четвертые сутки след дошел

На тех на лугах на потешных,
Куда ездил ласковой Владимир-князь
Завсегда за охотою.

Стоит на лугах тут бел шатер,
Во том шатру опочив держит красна девица,
А и та ли Настасья королевична.
Молоды Дунай он догадлив был,
Вымал из налушна тугой лук,

²³⁰ Из колчана вынул калену стрелу,
А и вытянул лук за ухо,
Калену стрелу, котора стрела семи четвертей.
Хлес(т)нет он, Дунай, по сыру дубу,
А спела ведь титивка у туга лука,
А дрогнет матушка-сыра земля
От тово удару богатырскова,
Угодила стрела в сыр крековистой дуб,
Изломала ево в черенья ножевые,
Бросилася девица из бела шатра, будто угорелая.

²⁴⁰ А и молоды Дунай он догадлив был,
Скочил он, Дунай, со добра коня,
Воткнет копьё во сыру землю,
Привязал он коня за востро копьё,
И горазд он со девицею драться,
Ударил он девицу по щеке,
А пнул он девицу под гузна, -
Женской пол от тово пухол живет,
Сшиб он девицу с резвых ног,
Он выдернул чингалишша булатное,

250 А и хочет взрезать груди белые.

Втапоры девица возмолилася:

«Гой еси ты, удалой доброй молодец!

Не коли ты меня, девицу, до смерти,

Я у батюшка-сударя отпрошалася:

Кто мене побьет во чистом поле,

За тово мне, девице, замуж идти».

А и тута Дунай сын Иванович

Тому ее слову обрадовался.

Думает себе разумом своим:

260 «Служил я, Дунай, во семи ордах,

В семи ордах семи королям,

А не мог я себе выжить красныя девицы,

Ноне я нашел во чистом поле

Обрушницу-сопротивницу».

Тут оне обручались,

Круг ракитова куста венчались.

А скоро ей приказ отдал собиратися

И обрал у девицы сбрую всю:

Куяк и панцырь с кольчугою,

270 Приказал он девице нарежатися

В простую епанечку белую.

И поехали ко городу ко Киеву.

Только Владимир стольной киевской

Втапоры едет от злата венца,

И приехал князь на свой княженецкой двор,

И во светлы GRIDNI убиралися,

За убраныя столы сажалися.

А и молоды Дунай сын Иванович
Приехал ко церкви соборныя,
280 Ко тем попам и ко дьяконам,
Приходил он во церкву соборную,
Просит чес(т)ныя милости
У тово архерея соборнова —
Обвенчать на той красной девице.
Рады были тому попы соборныя,
В те годы присяги не ведали,
Обвенчали Дуная Ивановича.
Венчальнова дал Дунай пять сот рублей
И поехал ко князю Владимиру;

290 И будет у князя на широком дворе,
И скочили со добрых коней с молодой женой,
И говорил таково слово:
«Доложитесь князю Владимиру
Не о том, что идти во светлы гридни, -
О том, что не в чем идти княгине молодой:
Платья женскова только одна и есть епанечка белая»,
А втапоры Владимир-князь он догадлив был,
Знает он, ково послать:
Послал он Чурила Пленковича

300 Выдавать платьица женское цветное.
И выдавали оне тут соян хрущето́й камки
На тое княгиню новобрачную,
На Настасью-королевичну,
А цена тому сояну сто тысячей.
И снарядили оне княгиню новобрачную,

Повели их во полаты княженецкия,
Во те гридни светлыя,
Сажали за столы убраныя,
За ества сахарныя и за питье медяные.

³¹⁰ Сели уже две сестры за одним столом,
А и молоды Дунай сын Иванович
Женил он князя Владимира
Да и сам тут же женился,
В том же столе столовати стал.
А жили оне время немалое.
У князя Владимира, у солнышка Сеславьевича,
Была пирушка веселая,
Тут пьяной Дунай расхвастался:
«Что нет против меня во Киеве такова стрельца

³²⁰ Из туга лука по приметам стрелять!».
Что взговорит молода княгиня Апраксевна:
«Что гой еси ты, любимой мой зятюшка,
Молоды || Дунай сын Иванович!
Что нету-де во Киеве такова стрельца,
Как любезной сестрице моей Настасьи-королевичне».
Тут Дунаю за беду стало,
Бросали оне жеребья,
Кому прежде из туга лука стрелять,

И досталось стрелять ево молодой жене Настасьи-
королевичне,

³³⁰ А Дунаю досталось на главе золото кольцо держать,
Отмерели место, на целу версту тысячну,
Держит Дунай на главе золото кольцо,

Вытягала Настасья колену́ стрелу,
Спела-де титивка у туга лука,
Сшибла с головы золото кольцо,
Тою стрелкою каленую.
Князи и бояра тут металися,
Усмотрили калену стрелу,
Что на тех-та перушках лежит то золото кольцо.

340 Втапоры Дунай становил на примету свою молодую
жену,

Стала княгиня Апраксевна его уговаривати:

«Ай ты гой еси, любимой мой зятюшка,

Молоды Дунай сын Иванович!

Та ведь шутачка пошучена».

Да говорила же ево и молода жена:

«Оставим-де стрелять до другога дня,

Ес(ть) – де в утробе у меня могуч богатырь.

Первой-де стрелкой не дострелишь,

А другою-де перестрелишь,

350 А третью-де стрелкою в меня угодишь».

Втапоры князи и бояра

И все сильны-могучи богатыри

Ево, молода Дуная, уговаривали.

Втапоры Дунай озадорелся

И стрелял в примету на целу версту в золото кольцо,

Становил стоять молодую жену.

И втапоры ево молода жена

Стала ему кланяться и перед ним убиватися:

«Гой еси ты, мой любезной ладушка,

360 Молоды Дунай сын Иванович!

Аставь шутку на три дни,

Хошь не для меня, но для своего сына нерожденного;

Завтра рожу тебе богатыря,

Что не будет ему сопровтивника».

Тому-то Дунай не поверовал,

Становил свою молодую жену Настасьєю-королевишну

На мету с золотым кольцом,

И велели держать кольцо на буйной главе.

Стрелял Дунай за целу версту из туга лука,

370 А и первой стрелой он не дострелил,

Другой стрелой перестрелил,

А третьєю стрелою в ее угодил.

Прибежавши Дунай к молодой жене,

Выдергивал чингалишша булатное,

Скоро [в]спорол ей груди белыя, -

Выскочил из утробы удал молодец,

Он сам говорит таково слово:

«Гой еси, сударь мой батюшка!

Как бы дал мне сроку на три часа,

380 А и я бы на свете был

Попрыжея и полутчея в семь семериц тебя».

А и тут || молоды Дунай сын Иванович запечалился,

Ткнул себя чингалишшем во белы груди,

Сгареча он бросился во быстру реку.

Потому быстра река Дунай словет,

Своим ус(т)ъем впала в сине море.

А и то старина, то и деянье.

Гришка Расстрига

Ты боже, боже, Спас милостивой!
К чему рано над нами прогневался,
Сослал нам, боже, прелестника,
Злаго Расстригу Гришку Атрепьева.
Уже ли он, Расстрига, на царство сел,
Называется Расстрига прямым царем;
Царем Димитрием Ивановичем Углецким.
Недолго Расстрига на царстве сидел,
Похотел Расстрига жениться,

¹⁰ Не у себя-то он в каменной Москве,
Брал он, Расстрига, в проклятой Литве,
У Юрья пана Седомирскова
Дочь Маринку Юрьеву,
Злу еретницу-безбожницу.
На вешней праздник, Николин день,
В четверг у Расстриги свадьба была,
А в пятницу праздник Николин день
Князи и бояра пошли к заутрени,
А Гришка Расстрига он в баню с женой;

²⁰ На Гришки рубашка кисейная,
На Маринке соян хрущето́й камки.
А час-другой поизойдучи,
Уже князи и бояра от заутрени,
А Гришка Расстрига из бани с женой.

Выходит Расстрига на Красной крылец,
Кричит-ревет зычным голосом:
«Гой еси, клюшники мои, приспешники!
Приспевайте кушанье разное,
А и пос(т)ное и скоромное:

30 Заутра будет ко мне гость дорогой,
Юрья пан са паньєю».

А втапоры стрельцы догадалися,
За то-то слово спохватилися,
В Боголюбов монастырь металися
К царице Марфе Матвеевне:
«Царица ты, Марфа Матвеевна!
Твое ли это чадо на царстве сидит,
Царевич Димитрей Иванович?».

А втапоры царица Марфа Матвеевна заплакала

40 И таковы речи во слезах говорила:
«А глупы, стрельцы, вы, недогадливы!
Какое мое чадо на царстве сидит?
На царстве у вас сидит Расстрига,
Гришка Атрепьев сын.

Потерен мой сын, царевич Димитрей Иванович, на
Угличе

От тех от бояр Годуновых,
Ево мощи лежат || в каменной Москве
У чудных Сафеи Премудрыя.
У тово ли-та Ивана Великова

50 Завсегда звонят во царь-колокол,
Соборны попы собираются,

За всякия праздници совершают понафиды
За память царевича Димитрия Ивановича,
А Годуновых бояр проклинаят завсегда».

Тут стрельцы догадалися,
Все оне собиралися,
Ко Красному царскому крылечку металися,
И тут в Москве [в]збунтовалися.
Гришка Расстрига дагадається,

⁶⁰ Сам в верхни чердаки убирається
И накрепко запирається,
А злая ево жена Маринка-безбожница
Сорокою обвернулася
И из полат вон она вылетела.
А Гришка Расстрига втапоры догадлив был,
Бросался он со тех чердаков на копья вострыя
Ко тем стрельцам, удалым молодцам.
И тут ему такова смерть случилась.

На Бузане-острове

На славной Волге-реке,
На верхней изголове,
На Бузане-острове,
На крутом красном берегу,
На желтых рассыпных песках
А стояли беседы, что беседы дубовыя,
Исподернуты бархотом.
Во беседках тут сидели атаманы казачия:
Ермак Тимофеевич,
¹⁰ Самбур Андреевич,
Анофрей Степанович.
Ане думашку думали за единое,
Как про дело ратное,
Про дабычу казачею.
Что есаул ходит по кругу
По донскому-еицкому,
Есаул кричит голосом
Во всю буйну голову:
«Ай вы гой еси, братцы атаманы казачия!»
²⁰ У нас кто на море не бывал,
Морской волны не видал,
Не видал дела ратнова,

Человека кровавова,
От желанье те богу не маливались,
Астаньтеся таковы молодцы
На Бузане-острове».
И садилися молодцы
Во свои струги легкия,
Оне грянули, молодцы,
³⁰ Вниз по матушке Волге-реке,
По протоке по Ахтубе.
А не ярыя гоголи
На сине море выплыли,
Выгребали тут казаки
Среди моря синева,
Против Матицы-острова
Легки струги выдергивали
И веселчки разбрасавали,
Майданы расставливали,
⁴⁰ Ковры раздергивали,
Ковры те сорочинския
И беседы дубовыя,
Подернуты бархатом.
А играли казаки
Золотыми тавлеями,
Дорогими вольящетыми.
Посмотрят казаки
Оне на море синея,

[От таво] зеленова,

⁵⁰ От дуба крековистова —

Как бы бель забелелася,
Будто черзь зачернелася, -
Забелелися на караблях
Парусы полотняныя,
И зачернелися на море
Тут двенадцать караблей,
А бегут тут по морю
Славны гости турецкия
Со товары заморскими.

⁶⁰ А увидели казаки

Те карабли червлененыя,
И бросалися казаки
На свои струга легкия,
А хватали казаки
Оружье долгомерное
И три пушечки медные.
Напускалися казаки
На двенадцать караблей,
В три пушечки гунули,
⁷⁰ А ружьем вдруг грянули,
Турки, гости богатые,
На караблях от тово испужалися,
В сине море металися,

А те тавары заморския
Казакам доставались
А и двенадцать караблей.
А на тех караблях
Одна не пужалася
Душа красная девица,
⁸⁰ Молода Урзамовна,
Мурзы дочи турскова.
Что сговорит девица Урзамовна:
«Не троньте мене, казаки,
Не губите моей красоты,
А и вы везите мене, казаки,
К сильну царству московскому,
Государству росси(й)скому,
Приведите, казаки,
Мене в веру крещеную!».

⁹⁰ Не тронули казаки душу красну девицу
И посадили во свои струги легкия.
А и будут казаки
На протоке на Ахтубе,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.